

Наталия ЧЕРНЫХ

НОВЫЕ ОПЫТЫ ЦВЕТА

Евгения Баранова. Где белое, там и золотое. – М.: Формаслов, 2022. – 102 с.

Мир меня поймал, но не ловил.

Евгения Баранова

Вопреки названию, книга получилась сумрачная («небесный карантин»), сумеречная – как будто все стихотворения написались сразу после захода солнца, – по-кошачьи тревожная. В этих небольших, но плотных стихотворениях есть судорога исчезновения, трепет перехода. Белое и золотое здесь – цвета эсхатологические, они там, где нечто имеет совершиться, но еще не совершилось. Однако эти цвета (используя самозабвение поэта) проникают и в его письменную речь. Белое здесь начинается с прозрачности и с бесцветности, а это совсем разные цвета. Золотое дает о себе знать в пронзительных искрах утраты (еще причиняющей боль, будь это человек или цель или уже совершившейся, будь это место, Крым, или детство с тамагочи). И еще золотое здесь – радость памяти, радость сочетания себя потерянной с тем, что сохранено памятью (личной и общей), а значит – нерушимо.

– А если тело – только поцелуй.

Мнемос этой книги довольно тяжелый, но он того стоит. Нельзя сказать, что эти стихотворения запоминаются легко и просто, но «синица языка» уже целиком в памяти. У этих стихотворений – военная воздушность, со всеми разнообразными ассоциациями, которые может вызвать это словосочетание.

мертвец в мертвецкую спешил
да ожил по пути

Этот «небесный карантин» распространяется на весь небосвод книги. Мне кажется, имеет смысл говорить именно о небосводе этой книги. Разделы-созвездия, вычерченные создателем-автором с точностью, выдающей образование в области изо (даже если его и нет), звезды и туманности отдельных стихотворений, то распадающихся, то влекомых силой творческого тяготения. Эту книгу хорошо даже просто перелистывать: кажется, вот была мысль, была четкая линия. И вдруг все снова рассыпалось на мелкие искры, только след от вспышки. Ан нет: вот оно, солнышко, ядро в ореоле короны слов-лучей:

Мы внуки выживших детей...
(...)
Нас тренирует божий глаз...
(...)
Мы начинаемся как пыль...

Небосвод возникает из образов полета, которых в книге невероятно много. Даже образы бреда вследствие высокой температуры напоминают о полете:

...скользишь земле навстреч...

Я мелкая пыль – как меня ни гони,
(...)
То катятся к чёрту, то лезут наверх,
то песнь хоровую поют.
А я только снег, только снег, только снег,
лечу потихоньку, клюю.

Это тотальное, изматывающее движение «мира» (который поймал) сообщается и небосводу книги. На нем отражаются и почти случайные «ласковые овощи» в соседнем кафе, и судьбы поколения, с которым автор себя ассоциирует. Возникает эффект, при котором неподвижные предметы кажутся движущимися:

То шар, то диск, то комната пустая,
то за кометой полосатый хвост.
кому нужна я
а
кому нежна я
кто припечатан изморозью звёзд

«Миллениалы», по теории Штрауса и Хау (которая мне лично кажется не убедительной, но она дает хороший рельеф для рассказа) – «миллениалы», как последовательные антагонисты, обречены на постоянное движение. Они пришли в мир во время «миллениума», время кардинальных перемен, и потому, если выбирать метафору, у них есть некое трансцендентальное вертиго.

В строфике и рифмах стихотворений книги «Где белое, там и золотое» это вертиго выражается небольшими, к которым порой даже сложно предъявить претензии с точки зрения версификации, скачками смысла и ритма. Это не своевольные танцы ритма на грани белого и рифмованного стиха, которые так любили в девяностые (Воденников – «Репейник», «Трамвай» и др., Зельченко – «Романс», Степанова – «Летчик», и прочие авторы), не аккуратные нарушения законов, что так популярно было в нулевые и отчасти в десятые (Горалик, Львовский), а именно кружащееся, неустойчивое, исчезающее, свойственное и стихотворениям других авторов. Тема исчезновения не нова, так что и в девяностых, и в нулевых найдется масса стихотворений, питавшихся подобными мыслями и ощущениями, но такого (тотального) скольжения, кружения, поэтического вертиго я не наблюдала. Оно есть и в стихотворениях Марии Мельниковой, и Дарьи Верясовой, и Бориса Кутенкова, и многих других авторов «миллениума».

Двадцатые годы нашего столетия есть время фрагментов, хотя, конечно, были в прошлом, и во множестве, времена фрагментов, но, вероятно, у них был другой рисунок. Я как автор и критик часто сталкиваюсь с тем, что у читателя и у критика современной поэзии очень узкое восприятие: оно отлично сфокусировано на фрагменте и не видит целой картины. Каждый (читатель или критик) строит контекст так, как именно ему удобно, и при этом нет опоры на субъективность, чтобы создать нечто самоценное и стилистически оригинальное, оригинальностью же оправданное, а много претензий и апломба. Само по себе это хорошо – внимание к детали, но в целом мирок, в котором существует некая масса поэтических изданий и мероприятий, весьма скучный и однообразный. Вероятно, идет процесс образования почвы, приземления, и может он идти еще очень долго.

Ироничное отношение к современной поэзии как к чему-то несерьезному, недостаточное внимание к ней, на мой глаз, объясняется отношением к поэзии самих авторов. Девяностые, имевшие дело с огромным и косным корпусом советской поэзии

второго ряда, не предполагали «стишков» нынешнего времени, говорю как автор, начавший в девяностые.

Впрочем, если отстраниться, какая теперь разница между «Войском», «Репейником» и новинками «Стеклографа».

Хаос, как говорит мой сравнительно небольшой тридцатилетний опыт (столько не живут) не есть свобода. Хаос может быть красив или отвратителен, а может издавать невнятные звуки, смысл которых никому, зачастую и автору, не понятен.

Именно потому «мир поймал», хотя даже и не ловил. Эта антикультурная, антиинтеллектуалистская позиция, согласие на то, чтобы быть пойманным (ради чего?), и есть самое щемящее в этой книге: нужна хоть какая-то точка фиксации, и снова вариантов кроме словесности нет. Не слова, а словесности.

Ты проснулся днем, ты не знаешь – зачем.

Шум за окном, вестник перемен...

(М. Науменко)

Эти строки написаны во время перестройки, в СССР.